

Британский хореограф Мэтью Боурн поставил спектакль по фильму Тима Бертон «Эдвард Руки-Ножницы»

Подвиг селекционера

Фото: AFP

Глеб Ситковский / ЛОНДОН

Кто такой Мэтью Боурн, русская публика выяснила прошлым летом. Тогда на Чеховском фестивале показали его спектакль «Пьеса без слов», в чью основу лег всем известный фильм Джозефа Лоузи «Слуга». Изобретение Боурна (танцевальный жанр, который никуда толком не отнесешь, — ни к contemporary dance, ни тем более к балету) встретило в Москве прием почти ажиотажный, а «Пьесу без слов» стали в один голос называть едва ли не лучшим спектаклем Чеховского фе-

стиваля, хотя конкуренты у Боурна тоже были не слабаки.

Москва, тем не менее, прекрасно знала цену Боурну и до гастролей труппы New Adventures. Из рук в руки знатоками передавались видеокассеты с записями его постановок: «Лебединого озера», где всех лебедей, больших и малых, перетанцевали мужчины, или «Щелкунчика», местом действия которого стал сиротский приют. Сейчас перелицовка классических балетов занимает Боурна как будто меньше. Вдохновившись исключительным успехом «Пьесы без слов», он продол-

жил дальше с удовольствием курочить классические фильмы.

Картина Тима Бертон «Эдвард Руки-Ножницы» (1990) почти идеальный материал для хореографических затей. Просто Эдвард слишком застенчив, чтоб быть многословным, а сыгравший главную роль Джонни Депп вообще утверждал, что его герой за весь фильм произносит только 169 слов и ни словом больше. Слегка напоминающий о «Франкенштейне» фильм Бертон — это типичная готическая история. Эдвард — личность рукотворная, появившаяся на свет благодаря некому чудо- изобре-

тателю, который снабдил его практически всем, что необходимо для жизни, но, к несчастью, умер, так и не завершив работы. Из-за этого верхние Эдвардовы конечности заканчиваются вместо пальцев целым набором острейших ножиц. Ни тебе руку по-человечески пожать, ни девушку приласкать.

Оказавшись в безликом, хотя и белозубо-приветливом американском городишке, Эдвард производит сенсацию. Растопырив свои руки-крюки, он растерянно движется по сцене, словно потерявшийся после смерти хозяина щенок, и обращаются с ним по-доброму — примерно как со щенком. Дают кров, пропитание, подстилку и учат выполнять команды, знание которых совершенно необходимо в любом приличном обществе. Эдвард прекрасно поддается дрессировке: уже через пару дней он, ловко орудуя своими ножницами, начинает подстригать изгороди, придавая кустикам форму изысканных жирафов и всяких прочих зайчиков. Со всех концов Америки, знамо дело, подваливают репортеры, и жители городка направо и налево раздают интервью, заслуженно гордясь своей новой достопримечательностью. Идея клонирования людей, начатая в «Пьесе без слов» (Боурн заполнил тогда сцену двойниками, одетыми в униформы), нашла свое продолжение в «Эдварде». В безоблачную даль убегает целый ряд кукольных домиков, похожих друг на дружку как две капли воды (художник Лез Бронзерстоун), а живут в них мало отличающиеся семьи. «Папа-мама-дочка-сын» садятся четверками в воображаемые машины, крутят воображаемые рули и таким макаром передвигаются по сцене, с величайшей корrekтностью соблюдая при этом все правила дорожного движения. Эдвард (роль по очереди

исполняют то Сэм Арчер, то Ричард Уинзор), чья пластика напоминает то ли о белом клоуне Пьеро, то ли о Петрушке Нижинского, — единственный, кто выламывается из общего ряда. И слепому ясно, что добром дело не кончится, финал будет трагичен.

Выход спектакля в лондонском театре Sadler's Wells Боурн приурочил к зимним месяцам, когда англичане по случаю Рождества традиционно ходят на самый рождественский из балетов, то есть на «Щелкунчик» Чайковского. Жест хореографа вряд ли случаен — слишком уж много напрашивающихся параллелей с «Щелкунчиком» здесь обнаруживается. В «Эдварде» имеются и своя елка, и собственный Дроссельмайер (тот самый нестатистический изобретатель), и добрый уродец, влюбившийся в добрую девочку. Здеcнюю Мари зовут Ким, и в одной из сцен загрезивший Эдвард даже уносит с нею вместе в волшебную страну. В этом па-де-де, свидетелями которого становятся только ожившие зверушки-изгороди, Эдварду больше незначем, растопырившись, клацать острыми предметами — у него вырастают человеческие руки, быстро накапливающие объект приложения для накопившейся нежности. Композитор Тэрри Дэвис, обработавший музыкальные темы фильма Тима Бертон, конечно, не Чайковский, но ведь и Боурн не претендует на роль Петипа. Зато Мэтью Боурну удалось то, о чем раньше никто и не помышлял: он сумел скрестить Голливуд с классическим танцем. Если и предъявлять какие-то претензии спектаклю «Эдвард Руки-Ножницы», то ровно те же, что и любому продукту кинофабрики грез. Если чем и восхищаться, так высочайшим голливудским профессионализмом.